

2. 11. 95.

Есенин Сергей

Французский славист Мишель Никё, профессор Канского университета, соавтор (вместе с Леонидом Геллером) недавно вышедшей на французском языке «Истории утопии в России» (изд-во PUF) и составитель специального есенинского выпуска «Revue des études slaves» (т. 67, 1), был приглашен Институтом мировой литературы на международный симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения Сергея Есенина. Симпозиум проходил с 29 сентября по 3 октября в Москве и имел продолжение в Талдоме, на родине Сергея Клычкова.

Посмертная судьба Есенина отражает и по сей день, как в зеркале, историю его страны: через полгода после смерти поэта началась кампания против «есенинщины» (термин был запущен А. Безыменским), и Есенин стал картой в политической борьбе, разгоревшейся против троцкистской оппозиции (Троцкий считался покровителем Есенина). Через десять лет ликвидация есенинской «купницы» (Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин, В. Наседкин, И. Приблудный, П. Васильев...) привела к фактическому запрету поэзии Есенина (с 1927 до 1955 года не вышло ни одного сборника, а его книги попросту сжигали) при неиссякающей подпольной популярности поэта.

Литературная реабилитация Есенина во время оттепели быстро превратилась в его канонизацию (а по существу в осовечивание и огосударствление поэта, оттолкнувшее значительную часть исследователей).

Принятое в 1984 году решение об устройстве государственного музея-заповедника в Константиново сейчас полностью осуществлено — все восстановлено, окружено забором и клумбами; нетронутым остался лишь чудесный окский косогор «и синь, упавшая в воду».

Поистине хорош памятник Есенину (скульптор А. Бичуров, автор надгробия-памятника 1986 г. на Ваганьковском кладбище), открытый в Москве 3 октября этого года на Тверском бульваре (напротив МХАТа). Он сразу стал местом поэтических выступлений и политических выкриков; сегодня версии об убийстве Есенина,

«Но не дано российскому поэту такую светлую смертью умереть...»

Русская мысль. Париж. - 1995 - 2 нояб. - с. 16. К столетию со дня рождения Сергея Есенина

Научные конференции в Москве и Талдоме

возникшие в 1989 году, используются в политических (шовинистических) целях, точно так же, как в 1926—1927 гг., хотя и с противоположных позиций.

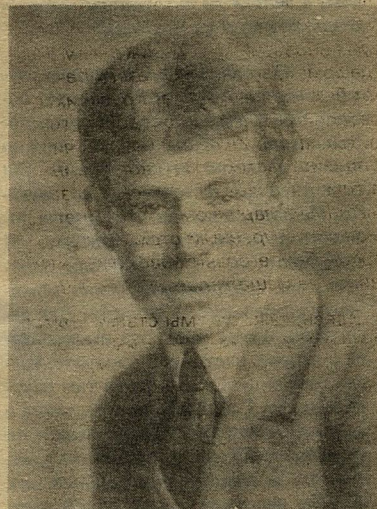
Впрочем, смешение понятий вообще характерно для смутных времен: из храма науки, каким должен быть Институт мировой литературы, не выгнаны торговцы ксенофобской литературой, установившие там свои лотки к открытию есенинского симпозиума. Такая беспринципность (заметная и в других областях культуры, политики и религии) чревата опасностями. Правда, больше народу толпилось у научного, постоянного книжного киоска.

Как певец вечной «голубой Руси» Есенин вселяет надежду в будущее всем тем, кого очередной большой перелом ущемил в национальном самосознании. В России поэзия всегда помогала жить и выживать. И поэтому хочется приветствовать отказ российского министра культуры превратить Есенина в государственного поэта. О том, кто «первый поэт» России, каждый отвечает за себя.

В этих сложных условиях международный симпозиум, организованный Институтом мировой литературы им. Горького, пытался поднять на серьезную высоту изучение творчества Сергея Есенина, которое отстает (несмотря на десятки тысяч статей и работ, написанных о нем) от изучения других больших русских поэтов XX века.

На симпозиуме было прочитано около восьмидесяти докладов и на пленарных заседаниях, и в специальных секциях. Конечно, не обошлось без разбора биографических и лирических тем, но политика осталась за дверями и ряд вопросов был освещен по-новому.

Миф о поэте-самородке или недоучке сегодня уступает место представлению о широко начитанном поэте, кажушаяся простота которого опирает-

Сергей Есенин.

ся не только на фольклор, но и на русскую поэзию XIX века и на культуру Серебряного века.

На замечательной выставке, посвященной Есенину и его времени (с картинами Д. Бурлюка и рисунками Черныгина), в Государственном литературном музее в Трубниковском переулке можно видеть «Критику чистого разума» Канта (в переводе Н. Лосского) с надписью Есенина о покупке в 1917 году.

Этой стороне личности и творчества Есенина уделили внимание Миодраг Сибинович (Белград, «Поэтика Есенина на распутье между модернизмом и авангардизмом»), С. И. Субботин («Чужой текст» в произведениях Есенина»), М. Никё («Гностические мотивы в «Ключах Марии» Есенина»), С. Г. Семенова («Философские мотивы в лирике Есенина»), О. Е. Воронова («Есенин и Н. Бердяев») и др.

В секции «Проблемы издания и творчества Есенина» были затронуты вопросы текстологии и датировки,

связанные с подготовкой академического собрания сочинений Есенина в семи томах (под ред. Ю. Л. Прокушева): первый том только что вышел, в последний том должны войти все известные (если их владельцы того пожелают) дарственные надписи Есенина.

Были также проанализированы отдельные произведения поэта — «Яр» (доклад Е. А. Самоделовой), «Страна негодяев» (сообщение Н. И. Шубниковой-Гусевой, составительницы двухтомной антологии статей и воспоминаний русской эмиграции о Есенине).

Л. С. Руднева привела большой фактический материал о Есенине и Мейерхольде; П. В. Куприяновский — о Есенине и А. К. Воронском. Гордон Маккей обнаружил неопубликованные письма советских писателей о Есенине.

Проблемам археографии и библиографии творческого наследия Есенина были посвящены пятнадцать докладов, с участием Э. Штейна (США), С. В. Шумихина, Л. А. Шлычкова (который, кстати, собирает сведения об истории просоветской парижской газеты «Русские новости»).

Своеобразное явление представляет собой «народное есениноведение», объединенное в общество «Радунница» (председатель Н. Г. Юсов), которому скоро исполнится 10 лет.

Стараниями энтузиастов-есенинолюбов были спасены, обнаружены и сохранены драгоценные материалы, касающиеся жизни и творчества поэта, а также открыты музеи Есенина в провинции (а на днях и в Москве, в восстановленном первом доме Есенина в Большом Строченовском переулке), частные «есенинианы» и выставки. В «Радуннице» соседствуют все политические течения, мифы и наука...

Однако «народность» Есенина, даже если она порой используется в сомнительных целях, — не миф, и горы цветов, принесенных Есенину на Тверском бульваре или на Ваганьковском кладбище, чтение, пение его стихов, посвящения или стихотворные послания, оставленные у его памятника (точно так же, как и после смерти Есенина), представляют собой явление, которому трудно найти аналогию в мировой литературе.

Поэзия Есенина обращена прежде всего к душе. Из-за этого, может быть, чистое литературоведение как будто боится вступить в ее царство. Она труднее и бледнее, чем «интеллектуальная» поэзия, переводится на иностранные языки, в особенности, на французский.

Часть участников московского симпозиума переехала с 5 по 7 октября в Талдом (100 км на север от Москвы), где состоялась конференция «Творческие связи и встречи С. Есенина и С. Клычкова».

Талдом (точнее деревня Дубровка, вблизи Талдома) — родина поэта Сергея Клычкова (1889—1937), не просто «друга Есенина», но одного из его поэтических отцов и мастера литературного сказа.

Музей Клычкова, открытый в 1992 году в большом кирпичном доме отца Клычкова (сапожника) подвижническими усилиями Т. А. Хлебнякиной, содержит фотографии, рукописи, книги Клычкова и переводы его романов на французский, польский, чешский и итальянский языки.

Впрочем, изучение Клычкова, и в особенности его прозы, только начинается. На конференции, проходившей в Талдомском лицее искусств, большинство докладов было посвящено поэтическому миру Есенина и воспоминаниям его современников. Конференция завершилась музыкальным представлением, более непосредственным и естественным, чем торжественный вечер, устроенный 1 октября в московском Колонном зале.

Праздник продолжался до утра. Когда научные связи так ослаблены и осложнены, когда книги практически не выходят за пределы места издания, для всех участников из провинции (очень активной в культурном плане), из Вытегры, из Сибири, из «ближнего зарубежья» эти конференции были счастливой okazji общения и обмена информацией, планами, книгами. Московские и талдомские организаторы, сумевшие осуществить такие мероприятия (и скорое издание докладов), заслуживают большой благодарности.

Пройдет есенинское столетие (научные конференции состоятся еще в Киеве, Варшаве, Белграде и других университетах), но останется поэзия Есенина, которая выше и глубже всех толкований и кривотолков:

С чьей-то ласковости вешней
Отгнул я в синей мгле
О прекрасной, но нежданной,
Неразгаданной земле.

МИШЕЛЬ НИКЕ

Кан